

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений

Н.А. БЕЛОВА – преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматривается история взаимодействия православной церкви с тюремными учреждениями в дореволюционной России. Автор прослеживает становление и развитие тюремной миссии русского православного духовенства, раскрывает его роль в нравственном исправлении заключенных, уделяет внимание рассмотрению обязанностей священнослужителей в местах лишения свободы. Идеи автора подкрепляются примерами из документальных и научных источников.

Ключевые слова: история православного тюремного служения; история нравственного воспитания заключенных; тюремная миссия; тюремное духовенство; благотворительность.

Russian orthodox church and prisons: a tradition of relationships

N.A. BELOVA – the candidate of historical sciences, the teacher of chair of philosophy and history, the Vologda Institute of Law and Economics of The Federal Penal Service of Russia

The article reviews the history of interaction between the Orthodox Church with prisons in pre-revolutionary Russia. The author traces the emergence and development of the prison mission of the Russian Orthodox clergy, its role in the moral correction of prisoners, as well as the evolution of the duties of priests in prison. Author's ideas are supported by examples from the documentary and scientific sources.

Key words: history of the Orthodox Prison Mission; history of Moral Education of Prisoners; prison Mission; prison Clergy; charity.

На Руси еще со времен Русской Правды существовали церковные суды с собственной юрисдикцией, к компетенции которых, по византийскому Номоканону и церковным уставам князей Владимира и Ярослава, относились все явления общественной и частной жизни, связанные с церковью и нравственностью. Их классификация была следующей: 1) преступления против веры и церкви; 2) преступления против семейного союза; 3) преступления против целомудрия; 4) некоторые случаи смертоубийства, если убитым являлось лицо бесправное, находившееся под покровительством церкви; 5) дела союза родителей и детей; 6) дела по наследству¹.

Включение монастырей в общую систему наказания России связано с их использованием в качестве средства наказания преступников. Монастырская ссылка «на покаяние», «смирение» и «под начало» практиковалась за правонарушения и преступления в отношении как духовных, так и светских лиц. Для священнослужителей такое наказание чаще всего предусматривалось за преступления против веры и нетяжкие уголовные (участие в расколе и прочих «ересях», порочное поведение, требование паты за пострижение и т.п.), для мирян – за нарушение норм семейного и наследственного права (незаконное рождение ребенка, преступная связь, многобрачие и т.п.).

Для соответствующих целей использовалось большинство существовавших в тот период монастырей, прежде всего в отдаленных местностях. Кроме того, бытовало насильственное пострижение в монастырь детей родителями и жен мужьями, хотя в последнем случае в качестве наказания в монастырь заключали не только супруга, но и священнослужителя, допустившего незаконный постриг.

Судебником 1550 г. в качестве меры наказания было впервые введено тюремное заключение, причем наиболее суровым его видом считалось монастырское заточение. Печальной известностью пользовалась тюрьма Соловецкого монастыря, куда начиная с середины XVI в. ссылались религиозные и государственные преступники. Всего через Соловки прошли около 600 заключенных. Во второй половине XVIII в. открылась еще одна монастырская тюрьма в Спасо-Евфимиевом монастыре г. Суздаля. С 1766 по 1902 гг. здесь перебивало свыше 400 чел., из них 340 – в XIX в.²

В 1840-е гг. законодательное оформление получила ссылка в монастырь несовершеннолетних (на вечную работу – в качестве замены смертной казни, в отдаленные монастыри на 15 лет – за убийство и поджог, на 7 лет – за неоднократные кражи и другие подобные преступления). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ред. 1885 г.) содержало перечень категорий лиц, которые могли быть подвергнуты монастырскому заточению: несовершеннолетние от 10 до 17 лет, совершившие преступления «по неразумению или осознанно»; священнослужители и монашествующие, приговоренные к временному заключению в тюрьму; гражданские лица за вступление в брак без воли родителей, прелюбодеяние, похищение женщины для вступления с ней в брак против ее воли, кровосмешение с близкими родственниками. Эта тенденция отражала изъятие данного вида наказания из ведомства духовного суда. Церковные суды могли применять монастырскую ссылку в основном только в отношении священнослужителей и монашествующих. Вместе с тем сохранялась функция монастырей по увещанию преступников. С последней четверти XIX в. монастыри постепенно утрачивают свою карательную роль, что было вызвано начавшейся реформой пенитенциарной системы и строительством новых государственных тюрем. Число ссыльных в монастырях и заключенных в монастырских темницах заметно снизилось.

Обязанность заботиться об узниках христианская церковь взяла на себя еще на Первом Вселенском соборе в 325 г. в Никее. На

Руси первые сведения о проявлении милосердия по отношению к людям, лишенным свободы, относятся к началу XI в. Благотворное влияние православных истин на князя Владимира нашло выражение в его добросердечном отношении к преступникам и готовности отменить смертную казнь. В Изборнике Святослава (1076 г.) тюремная миссия рассматривалась как средство достижения Царства Божия: для этого «...к темнице дойди, видишь беду их и вздохи»³. Иными словами, первые русские князья видели в преступниках людей, не окончательно погибших, а оступившихся, проявляли милосердие к ним и заботились о спасении их душ.

К XII в. относится появление на Руси православной практики духовно-нравственного назидания (увещевания) «впадших в преступления» лиц и заботы о них. Например, преподобному Варлааму Хутынскому, основателю и игумену Спасо-Преображенского Хутынского монастыря, удалось добиться успеха в исправлении осужденного, которого он спас от утопления в Волхове. Заступничество о преступниках со стороны духовенства постепенно превратилось в обязанность. В этом отношении весьма интересно наставление Московского митрополита Петра (XIV в.): «Милуйте убогих... плененных и заключенных в темнице, каждый пусть благотворит по силе»⁴. Преподобный Иосиф Волоцкий (XVI в.) наставлял не только посещать места лишения свободы, но и оказывать находящимся там материальную и духовную помощь: «дойди до темницы и узнай беду тамошних, чего требуют подай, поскорби, вздохни, прослезись с ними; вспомни, что многие из них страждут за один какой-нибудь грех, а мы постоянно грешим и, однако, живем счастливо»⁵.

Заключенных в темницах посещали не только представители духовенства, но и миряне. Обычай навещать на праздник Пасхи обездоленных и узников существовал на Руси еще с древности. Представители всех сословий в этот день приносили заключенным свое угощение, прося их молитв о себе, поскольку верили, что страждущий человек ближе к Богу. Даже царь в этот день приезжал в тюрьму и говорил заключенным: «Христос Воскрес и для вас!» Осужденным от царского имени раздавались одежда и угощение.

В тюремной миссии XVII в. наиболее показателен пример патриарха Никона, никогда не забывавшего о тюремных «сидельцах». В праздники он посещал темницы, надевая колодников милостыней и пастырским утешением. Одним из последователей патриарха был святитель Митрофан Воронежский, который при объездах своей епархии

всегда жертвовал на тюрьмы и «согревал души заключенных словом утешения»⁶.

В XVIII в. выделяется личность святителя Тихона Задонского. Он, как и его предшественники, на Пасху и Рождество рассылал деньги заключенным в остроги, нередко посещал их с духовными беседами.

Вплоть до XIX в. тюремное миссионерство, имевшее статус благочестивой традиции, держалось за счет личной инициативы отдельных пастырей и мирян. Церкви в зданиях тюрем специально еще не строились, а службы совершались нерегулярно. В частности, в марте 1652 г. в Вологде было получено указание от царя Алексея Михайловича «приходских церквей попам в Губную избу приходиться к тюремным сидельцам для пения заутрени... и вечерни по очереди» при окончательном рассмотрении и разрешении дел⁷.

Узники не были лишены веры. По случаю болезни или по желанию к ним приходил священник, исповедовал и напутствовал. Так, в одном из архивных документов Вологодской консистории за 1686 г. написано о раскольнике, обвиненном в сожжении 50 крестьян, что «хотя он и покорение святой церкви принесет, и отца духовного принять и исповедаться и святых тайн причаститься желати будет истинно, и его, исповедав и причастя, сжечь в струбе и без допроса и пепел развеять, чтоб знака и костей не было...»⁸.

В часовне Вологодского острога была своя реликвия – чудотворная икона Божьей Матери всех скорбящих радости XV в. Она принадлежала сыновьям угличского князя Андрея Большого Иоанну и Димитрию, заточенным в Спасо-Прилуцком монастырь дядей, Иваном III. После смерти князя Иоанна в 1522 г. за иконой, перед которой он молился все 32 года заточения, закрепился статус чудотворной, заступницы и покровительницы князя-узника, исцелявшей больных. В тюремную часовню вологодского острога, где она хранилась, приходило очень много паломников. Святыня была утрачена в период антирелигиозной кампании 1920-х гг.

Одной из сложнейших обязанностей православного духовенства было сопровождение приговоренных к смертной казни до места исполнения приговора. Перед этим проводились духовные беседы со смертниками, их исповедовали и причащали. Во время пути на казнь и возле эшафота священник укреплял и утешал их. Осужденные часто неадекватно реагировали на подобную заботу пастыря, поэтому от священников требовались особая выдержка и твердость духа.

Мысль о полезности исправления арестантов в России впервые была высказана Екатериной II, однако на государственном уровне

нравственным исправлением содержащихся в тюрьмах преступников никто не занимался. Так, в 1767 г. князь Вяземский доносил о тюрьмах Московского магистрата и розыскной экспедиции, что «в некоторых казармах теснота превеликая, продовольствие арестантов не обеспечено... Тюремные сидельцы умирали без исповеди и причастия; настояние правительства перед духовенством о посещении их оставались без последствий, так как духовенство, поддерживаемое Синодом, требовало жалованья, а дать было не из чего»⁹.

Общественную упорядоченность и организованность идея нравственного исправления заключенных в России, развитая из христианской заповеди (посещение узников и забота о спасении их душ), получила в царствование Александра I в связи с учреждением в 1816 г. «Человеколюбивого общества». Император, руководствуясь изречением Христа «В темнице был, и вы пришли ко Мне»¹⁰, разрешил благотворителям посещать заключенных. Благодаря наблюдению за арестантским бытом в 1819 г. были выработаны правила для Общества попечительного о тюрьмах, одна из главных целей которого – нравственное исправление преступников, наставление их в правилах «христианского благочестия» и «доброй нравственности». Исполнительными органами этого общества стали комитеты. Первый из них, созданный по образцу английского тюремного общества, появился в Петербурге. Вслед за столицей подобные образования стали возникать и в других городах империи. Наряду с общественными деятелями и предпринимателями представители духовенства становились активными членами комитетов. В числе священнослужителей, стоявших у истоков тюремной благотворительности, можно назвать митрополита Санкт-Петербургского Михаила и архиепископа Тверского Филарета Дроздова (впоследствии митрополита Московского).

В начале 1820-х гг. Петербургский митрополит Серафим (сменивший на этом посту митрополита Михаила) на просьбу члена столичного комитета графа А.Х. Бенкендорфа о назначении «от приходских церквей в тюрьмы священников для молитвословий, назиданий и поучений из священной истории... для исповеди и приобщения Святых Таин»¹¹ выделил 35 священников. Комитет распределил их по тюрьмам, а за посещениями священнослужителей поручил наблюдать своим членам. Богослужение и церковная проповедь в местах лишения свободы стали наилучшим средством духовно-нравственного воспитания заключенных.

По инициативе Общества попечительного о тюрьмах и на средства прежде всего местных его комитетов и отделений в тюремных

заведениях России стали появляться православные храмы и часовни. Содержание причта также финансировалось этим обществом. После получения князем В.С. Трубецким в 1836 г. разрешения Николая I на повсеместное сооружение в тюрьмах церковей храмы стали открываться во всех городах, где существовали комитеты.

При участии духовенства петербургский комитет Общества попечительного о тюрьмах разработал «Правила для назидания ссыльных в Сибирь, в обязанностях веры и нравственности, во время следования их к местам назначения», которые циркуляром от 15.07.1842 г. были распространены по всей стране. Данным документом духовенству предписывалось «наставлять арестантов в правилах веры на ночлегах, дневках и остановках»¹². Беседы священников с заключенными рекомендовалось вести с христианской любовью, простотой, снисхождением, не говорить с ними в оскорбительном тоне – «низко преступление, но человек достоин сострадания»¹³. Арестантов следовало располагать к покаянию перед Богом и постановленной от него властью, к покорности воле законного начальства и уважению к нему, «ибо нет власти не от Бога»¹⁴. Священнослужители обязывались утешать и ободрять преступников, разъяснять им, что страдания, перенесенные с покаянным чувством, становятся средством спасения души в вечной жизни. Беседы с арестантами могли касаться предметов не только религиозно-нравственных, но и житейских. Рекомендовалось не принуждать к участию в разговоре тех, кто к вере относился без внимания. Разработанные рекомендации существенно облегчили деятельность священнослужителей. Так, священник Иоанн Соколов духовно окормлял 56 узников Петербургского тюремного замка. Осужденные содержались вместе довольно долго, поэтому отец Иоанн обращался к ним как к одной семье, где у каждого было свое место. Его беседы с ними длились по полтора часа два раза в неделю.

Безусловно, в организации проповедей были и свои трудности, возникавшие из-за равнодушия как тюремной администрации, так и самих священников, отчего приходилось прибегать к помощи силы. Так, в 1854 г. член комитета Общества попечительного о тюрьмах А.Н. Муравьев обратил внимание Петербургского митрополита Никонора на «безучастие столичного духовенства к религиозным потребностям заключенных»¹⁵. Для религиозно-нравственного образования арестантов столицы митрополит назначил 10 священнослужителей, в обязанности которым вменялось безвозмездное обязательное по-

сещение арестантов в будничные, воскресные и праздничные дни, а также ежегодное предоставление отчетов о результатах их бесед с заключенными. Независимое наблюдение со стороны церкви за деятельностью священников было поручено архимандриту Платону. Кроме того, 17 февраля 1855 г. были утверждены вице-президентом комитета Попечительного общества викарий епархии Христофор, а его директорами – рекомендованные Никонором священники. Судя по сохранившимся отчетам вице-президента митрополиту, возобновленные религиозно-нравственные беседы духовенства с арестантами велись успешно.

В целом отношения тюремной системы и православной церкви в XIX в. можно назвать сложившимися и юридически оформленными. Глава X «О церкви» Тюремной инструкции 1831 г. подробно регламентировала правовое положение православной церкви и порядок отправления религиозных обрядов арестантами.

Основное внимание духовенства было сосредоточено на организации тюремного быта и формировании из заключенных правопослушных личностей. Для организации церковных служб в тюрьмах предусматривалось строительство православных храмов и часовен. Законом от 15.06.1887 г. священники, дьяконы и псаломщики этих храмов были отнесены к управленческому аппарату. С этого времени можно говорить о появлении в России самостоятельного института тюремного духовенства. Повседневная организация этой деятельности осуществлялась не только под контролем Синода: она также регламентировалась циркулярами Главного тюремного управления (ГТУ), губернаторов и тюремных инспекторов.

К началу XX в. церковные помещения стали обязательным атрибутом каждого пенитенциарного учреждения. Так, в Вологодской губернии тюремные православные церкви имелись в губернской и каторжной тюрьмах, Грязовецкой, Кадниковской, Великоустюжской, Тотемской, Устюженской, Сольвычегодской уездных тюрьмах; часовни – в Никольской и Устьсысольской тюрьмах. В Яренской тюрьме богослужения проводились в свободных камерах, а строительство деревянного храма там началось в 1902 г.

Всего в России (1911 г.) в 273 тюремных церквях и 77 часовнях, расположенных при тюрьмах, служили 346 священников, 30 дьяконов и 208 псаломщиков. В исправительных арестантских отделениях имелось еще 40 церковей, которые обслуживали 44 священника, 4 дьякона и 30 псаломщиков¹⁶.

Строительство тюремных церковей регламентировалось Инструкцией для разработ-

ки проектов тюремных зданий, принятой в 1914 г. Этот документ предусматривал наличие в храме не менее двух входных дверей, одна из которых предназначалась для арестантов, другая – для прочих прихожан, прежде всего членов семей тюремных служащих и других лиц, заслуживавших доверия. Им выдавались именные разрешения (билеты) за подписью и печатью начальника тюрьмы на разовое или постоянное посещение церкви. Согласно циркуляру ГТУ от 21.11.1909 г № 10¹⁷ арестанты на богослужении размещались отдельно от остальных верующих за барьером (железной решеткой) или широким пространством, а также за рядом стражи. Эти меры позволяли избежать общения арестантов с посторонними лицами (разговоров, передач) и препятствовать возможным побегам из места заключения.

В условиях ограниченности государственных средств на нужды мест заключения штатная численность тюремного духовенства зависела от материальных возможностей местных органов Общества попечительного о тюрьмах. Обычно в состав клира входил один священник, который и являлся настоятелем тюремной церкви. В некоторых приходах служить ему помогали диакон и псаломщик. На практике большинство священнослужителей выполняли свою работу за символическую плату или на общественных началах. В частности, в 1918 г. расходы на содержание священников в тюрьмах Вологодской губернии были запланированы от 200 руб. в Грязовецкой тюрьме и до 30 руб. в Никольской. Годовой оклад диакона и псаломщика составлял от 36 до 72 руб.¹⁸ В уездных тюрьмах, где штатных священников не было, религиозно-духовная деятельность осуществлялась приходскими священнослужителями из числа членов местных попечительных отделений. Например, в отчете Устьсысольской уездной тюрьмы за 1916 г. докладывалось, что «особого состава духовенства нет. Богослужения совершаются директорами, священниками Устьсысольского Троицкого собора бесплатно»¹⁹.

Благополучие тюремных храмов во многом зависело и от частных пожертвований. Существенную роль при этом играл староста церкви, обычно избираемый местным отделением комитета Общества попечительного о тюрьмах из представителей купеческого сословия, который мог не только организовать финансово-хозяйственную деятельность прихода, но и щедро жертвовать в пользу церкви. Так, в 1901 г. вологодский купец В. Киселев выделил из личных средств на благоустройство храма исправительного арестантского отделения значи-

тельную для того времени сумму – 2070 руб. Благодаря подобным взносам, по мнению начальника заведения, эту церковь «можно назвать... одной из первых в Вологде»²⁰.

Богослужения в тюремных храмах и беседы с заключенными являлись лишь частью работы православного духовенства. Штатным священникам также было поручено создание школ для арестантов, заведование этими школами и преподавание в них. Так, в течение 1896 г. в школе Саратовской губернской тюрьмы обучались 214 чел., а Ковенской – 66²¹. Обучение заключенных имело целью не сообщение им суммы знаний, а назидание в благочестии и привитие религиозного чувства. Поэтому правилами, утвержденными МВД в 1887 г., устанавливалось обязательное изучение в тюремных школах Закона Божьего, грамоты с чистописанием, основ арифметики и других необходимых предметов. Священнослужителям в преподавании светских дисциплин помогали грамотные арестанты. Однако согласно циркуляру ГТУ от 28.05.1914 г. № 37 заключенные во время занятий в школе могли «обращаться только к учителю или отвечать на его вопросы, отнюдь не разговаривая между собою»²².

Кроме того, на тюремное духовенство были возложены функции по организации, содержанию и пополнению тюремных библиотек, проведению чтений духовно-нравственной тематики. Священники выступали заказчиками необходимой литературы и цензорами присылаемых изданий. Библиотеки пополнялись книгами в основном религиозного характера (Библией, молитвенниками, житиями святых и т.п.). Средства на приобретение литературы обычно выделялись местными комитетами Общества попечительного о тюрьмах либо в виде добровольных пожертвований передавались общественными организациями (Обществом распространения Священного Писания, Британским обществом и др.) и частными лицами.

Ввиду недостатка средств на комплектование литературой, а также отсутствия в большинстве тюрем специальных помещений для хранения книжного фонда значительная часть тюремных библиотек находилась в неудовлетворительном состоянии. Так, скудные фонды библиотек уездных тюрем составляли в среднем от 150 до 300 экземпляров книг и периодических изданий. Годовой расход на покупку литературы не превышал 5 руб.²³ Обширным книжным фондом обладали лишь библиотеки наиболее крупных тюрем. Например, в библиотеке Александровской каторжной тюрьмы под Иркутском, которой заведовал священник Писарев, в 1909 г. насчитывалось более 4,5 тыс. томов.

На приобретение книг в этой тюрьме ежегодно расходовалось до 300 руб.²⁴

Циркуляром Министерства юстиции от 16.07.1908 г. № 52 предписывалось выдавать арестантам для чтения книги и журналы только в тех случаях, «если они по содержанию своему не могут быть признаны вредными ни в религиозном, ни в нравственном отношении и не заключают в себе учений, направленных против существующих государственного строя и управления»²⁵. В циркуляре ГТУ от 12.07.1910 г. № 31 выражалось беспокойство о проникновении в тюремные библиотеки «вредных» книг и запрещался допуск в них изданий, «противных религии, правительственному и общественному порядку, а также доброй нравственности»²⁶.

Тюремной инструкцией от 28.12.1915 г. священники были включены в состав тюремного совещания по вопросам внутреннего распорядка. Инструкция предписывала проводить общие молитвы заключенных утром, вечером, перед обедом и ужином, а целью воспитательного воздействия на заключенных определяла «внушение правильных понятий о религии и об общих гражданских обязанностях, требующих преданности Престолу и Отечеству и почитания соответствующим законам и властям»²⁷.

С появлением во второй четверти XIX в. специализированных учреждений (ремесленных приютов и земледельческих колоний) для несовершеннолетних правонарушителей религиозное воспитание было признано одним из основных средств формирования их нравственных качеств. В целях религиозно-нравственного развития воспитанников за этими учреждениями закреплялись благонадежные священники, которые вели с ними регулярные занятия по изучению закона Божьего, церковному песнопению, беседовали на духовно-нравственные темы, распространяли среди подростков обстоятельные понятия о православном богослужении, формировали библиотеку.

Также тюремное духовенство привлекалось для воспитания у сотрудников тюрем ревностного отношения к исполнению должностных обязанностей. Наибольшее распространение получила практика отмечания юбилеев службы в тюрьме офицеров, чиновников и нижних чинов. Традиционно празднование начиналось в тюремной церкви, где служили молебен, затем священник выступал с благодарственным словом в честь юбиляра, в подарок которому, как правило, преподносилась икона. Такие торжества проходили при большом стечении народа. Нередко на этих мероприятиях присутствовали высокопоставленные чиновники тюремного ведом-

ства, губернской и уездной администраций, епископата. Сообщения о подобных событиях размещались не только в местной прессе, но и в журнале «Тюремный вестник»²⁸.

Многие священники посвящали тюремному служению большую часть своей жизни и пользовались у арестантов и персонала большим уважением. В числе священнослужителей, оставивших наиболее яркий след в православной тюремной миссии XIX – начала XX вв., можно назвать протоиерея и проповедника Родиона Путятин из г. Рыбинска, Пермского протоиерея Евгения Попова, который на основании своего многолетнего опыта пастырского попечения об арестантах издал «Беседы с заключенными в тюрьме», архимандрита Спиридона, проповедовавшего в Читинской тюрьме и на Нерчинской каторге, священника Иосифа Фуделя, осуществлявшего тюремное служение в пересыльной тюрьме г. Москвы, митрополита Трифона (Туркестанова) и иеромонаха Михея, проповедовавших в Сергиево-Посадской пересыльной тюрьме, и др.

За успешную деятельность по перевоспитанию осужденных некоторые тюремные священники представлялись к поощрениям. Например, законоучитель Вологодского ремесленного приюта священник Рождественско-Богородской церкви отец Иоанн Шадрин за многолетнюю (с 1886 по 1904 гг.) плодотворную работу на этом посту в качестве поощрения был возведен в сан протоиерея²⁹.

Следует отметить, что религиозное дело не везде было организовано надлежащим образом. Согласно сведениям из отчетов губернских тюремных инспекторов за 1896 г. при осмотре тюрем Лифляндской и Харьковской губерний почти во всех уездных городах было указано на «крайне редкое посещение тюрем духовными лицами». Кроме того, в тюремных заведениях Лифляндской губернии обращалось внимание на «чрезвычайно малое количество книг для арестантского чтения»³⁰.

О недостатках в деятельности православного духовенства в тюрьмах неоднократно писали дореволюционные пенитенциаристы (Н. Гернет, Н.Ф. Лучинский, С.В. Познышев и др.). В частности, Н.Ф. Лучинский, критически оценивая работу тюремных школ, предлагал ввести в них вместо священнослужителей штатные должности преподавателей³¹. Однако подобные суждения носили лишь рекомендательный характер, поскольку государство экономило средства на тюремные нужды, а местные комитеты и отделения Общества попечительного о тюрьмах таковыми в достаточном количестве также не располагали.

Итак, в истории дореволюционной России

главным предназначением православного тюремного служения считалось облегчение положения узников, их нравственное исправление. Значительный опыт взаимодей-

ствия православной церкви с тюремными учреждениями весьма важен и интересен для организации современного пастырского служения в местах лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дорская А.А. Церковное и уголовное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // История государства и права. 2005. № 3. С. 55–58.

² См.: Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. <http://siteprosveshenie.narod.ru/bp/grek2.htm>

³ См.: Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы. Сергиев Посад, 2001. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Московский патерик. М., 1991.

⁶ См.: Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы. С. 28.

⁷ См.: Суворов Н. Несколько слов о тюрьмах прежнего и нынешнего времени // Вологодские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 136.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время. СПб., 1998. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8649>

¹⁰ Евангелие от Матфея. Гл. XXV, 36.

¹¹ Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Послание апостола Павла к Римлянам. Гл. XIII, 1.

¹⁵ Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время.

¹⁶ См.: Рогоза В. Взаимодействие Русской православной церкви со специальными структурами, обеспечивавшими внутреннюю безопасность Российской империи. <http://www.pobeda.ru/content/view/1321/>

¹⁷ См.: Он же. Правовое регулирование взаимоотношений православной церкви и силовых ведомств в Российской империи. <http://www.pobeda.ru/content/view/1319/>

¹⁸ См.: Молодов О.Б. Православная церковь и тюремные учреждения Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // История отечественной УИС: Сб. ст. Псков, 2006. С. 102.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ См.: Шмат'ко В. Опыт построения курса «Основы православия» для катихизации в системе пенитенциарных учреждений. <http://www.pobeda.ru/content/view/103/>

²² Молодов О.Б. Православная церковь и тюремные учреждения Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. С. 106.

²³ См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества. Вологда, 2006. С. 27.

²⁴ См.: Рогоза В. Взаимодействие Русской православной церкви со специальными структурами, обеспечивавшими внутреннюю безопасность Российской империи.

²⁵ Молодов О.Б. Социальное служение православного духовенства Вологодской епархии в местах лишения свободы // II Романовские чтения. <http://www.hrono.ru/proekty/romanov/2rc22.php>

²⁶ Там же.

²⁷ Рогоза В. Почему в России в штат тюремной администрации входили православные священники? <http://digestweb.ru/10346-pochemu-v-rossii-v-shtat-tyuremnoj-administracii-vhodili-pravoslavnye-svyashhenniki.html>

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Отчет Совета Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1904 год. Вологда, 1905.

³⁰ См.: Шмат'ко В. Опыт построения курса «Основы православия» для катихизации в системе пенитенциарных учреждений.

³¹ См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества. С. 4.

¹ См.: Dorskaja A.A. Cerkovnoe i ugovolnoe pravo Rossijskoj imperii: problemy vzaimodejstvija i vzaimovlijanija // Istorija gosudarstva i prava. 2005. № 3. С. 55–58.

² См.: Grekulov E.F. Pravoslavnaja inkvizicija v Rossii. <http://siteprosveshenie.narod.ru/bp/grek2.htm>

³ См.: Hodykin I. Missionerskoe sluzhenie v mestah lishenija svobody. Sergiev Posad, 2001. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Moskovskij paterik. M., 1991.

⁶ См.: Hodykin I. Missionerskoe sluzhenie v mestah lishenija svobody. С. 28.

⁷ См.: Suvorov N. Neskol'ko slov o tjur'mah prezhnego i nyneshnegovremeni // Vologodskieparhial'nyvedomosti. 1864. № 5. С. 136.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Skomoroh O. Pastyrskoe sluzhenie v tjur'me v nastojawee vremja. SPb., 1998. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8649>

¹⁰ Evangelie ot Matfeja. Gl. XXV, 36.

¹¹ Skomoroh O. Pastyrskoe sluzhenie v tjur'me v nastojawee vremja.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Poslanie apostola Pavla k Rimljanam. Gl. XIII, 1.

¹⁵ Skomoroh O. Pastyrskoe sluzhenie v tjur'me v nastojawee vremja.

¹⁶ См.: Rogoza V. Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi so special'nymi strukturami, obespechivavshimi vnutrennjuju bezopasnost' Rossijskoj imperii. <http://www.pobeda.ru/content/view/1321/>

¹⁷ См.: On zhe. Pravovoe regulirovanie vzaimootnoshenij pravoslavnoj cerkvi i silovyh vedomstv v Rossijskoj imperii. <http://www.pobeda.ru/content/view/1319/>

¹⁸ См.: Molodov O.B. Pravoslavnaja cerkov' i tjuremnye uchrezhdenija Vologodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH vekov // Istorija otechestvennoj UIS: Sb. st. Pskov, 2006. С. 102.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ См.: Shmat'ko V. Opyt postroenija kursa «Osnovy pravoslavija» dlja katihizacii v sisteme penitencijnyh uchrezhdenij. <http://www.pobeda.ru/content/view/103/>

²² Molodov O.B. Pravoslavnaja cerkov' i tjuremnye uchrezhdenija Vologodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH vekov. С. 106.

²³ См.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugovolno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva. Vologda, 2006. С. 27.

²⁴ См.: Rogoza V. Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi so special'nymi strukturami, obespechivavshimi vnutrennjuju bezopasnost' Rossijskoj imperii.

²⁵ Molodov O.B. Social'noe sluzhenie pravoslavnogo duhovenstva Vologodskoj eparhii v mestah lishenija svobody // II Romanovskie chtenija. <http://www.hrono.ru/proekty/romanov/2rc22.php>

²⁶ Там же.

²⁷ Rogoza V. Pochemu v Rossii v shtat tjuremnoj administracii vhodili pravoslavnye svjawenniki? <http://digestweb.ru/10346-pochemu-v-rossii-v-shtat-tyuremnoj-administracii-vhodili-pravoslavnye-svyashhenniki.html>

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Otchet Soveta Vologodskogo obvestva zemledeľcheskih kolonij i remeslennyh prijutov za 1904 god. Vologda, 1905.

³⁰ См.: Shmat'ko V. Opyt postroenija kursa «Osnovy pravoslavija» dlja katihizacii v sisteme penitencijnyh uchrezhdenij.

³¹ См.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugovolno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva. С. 4.